

МИР ВИТТЕРБА

ВЛАДИМИР ЛАЗОВИК

Владимир Лазовик

Мир Виттерба

«Автор»

2026

Лазовик В. Е.

Мир Виттерба / В. Е. Лазовик — «Автор», 2026

Новая книга автора романа «Полярное нигде». Она — дизайнер и затворница. Мила строит миры на экране ноутбука, прячется в оверсайз-свитере и считает видеозвонок подвигом. Её суперсила — золотое сечение, пространственное мышление и тихая ярость. Он — древний голем Ллоуншес Виттерб. Не спит, не чувствует вкуса, по капле сжигает себя, очищая мир от отравленной магии. Его работа — одиночество. Их свела случайность: нарисованный Милой логотип оказался Обратным Знаком Призыва, выдернувшим её в мир, где магия кончается, а города покинули даже призраки. Здесь не спасают вселенную мечами. Её чертят, собирают по деталям из чертежей и доверия. Учатся молчать за чашкой чая, гладить по волосам и заново привыкать к прикосновениям — после тысяч лет одиночества. Никакой зубодробительной битвы. Только история двух интровертов: хрупкой девушки с социальной тревогой и каменного стража, который впервые хочет жить. Медленное, глубокое фэнтези. Для тех, кто верит, что любовь не требует спешки.

© Лазовик В. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Композиция пустоты	5
Глава 2. Стена четвертого измерения	12
Глава 3. Функция	17
Глава 4. Первый заказ: Погасить пламя	24

Владимир Лазовик

Мир Виттерба

Глава 1. Композиция пустоты

Тишина в квартире не была отсутствием звука. Она имела плотность, вес и запах — чуть сладковатый аромат старой бумаги, нагретого пластика и остывающего кофе. Это была тишина герметичного отсека, батискафа, опустившегося на дно Марианской впадины, где давление внешнего мира не могло расплющить хрупкую оболочку сознания.

Мила сидела в своем кресле — массивном, оббитом черной эконокожей с хищными красными вставками, напоминавшем ложемент пилота боевого меха. Она сползла так низко, что позвоночник образовал вопросительный знак, а колени упирались в край гигантской столешницы.

Этот стол был не просто мебелью. Это был плацдарм. Линия фронта, разделяющая две реальности.

Слева царил аналоговая архаика. Огромный лист ватмана формата А2, прихваченный по углам малярным скотчем, еще хранил белизну нетронутого снега, но рядом уже громоздились стаканы с карандашами разной мягкости, линеры и ластик, похожие на обломки белого мрамора. Здесь пахло графитом и деревом. Здесь рождались черновики.

Справа гудела цифровая цивилизация. Игровой ноутбук — черный монолит с агрессивными решетками радиаторов — выдыхал горячий воздух, справляясь с фоновыми процессами. Его вентиляторы тихо шелестели, успокаивая, как шум прибора. К нему был подключен второй монитор, сейчас темный, спящий, и широкий графический планшет, чья матовая поверхность, истертая стилусом в центре, ловила блики от RGB-подсветки клавиатуры. Эта машина могла переварить тяжелый рендеринг сложной 3D-сцены или запустить последний AAA-тайтл на ультра-настройках, позволяя Миле сбегать в миры, где проблемы решались выстрелом из плазмомета, а не светской беседой.

Мила сделала глоток. Кофе был слишком крепким, вязущим язык, но именно такая горечь сейчас была нужна, чтобы заземлиться.

Она подняла глаза выше мониторов. Её крепостная стена.

Полки, занимавшие всё пространство от стола до потолка, ломались от сокровищ, которые для постороннего показались бы детским хламом. Но для Милы каждая фигурка была якорем. Здесь стояла Аска Лэнгли в боевом плагиате, её рыжие волосы застыли в вечном пластиковом ветре. Рядом, нависая над ней, скалился Веном, каждая жила на его черном теле была вылеплена с анатомической точностью. Чуть дальше — строй корешков: толстые лорбуки по «Вархаммеру», энциклопедии Средиземья, артбуки по «Киберпанку» и «Dark Souls», комиксы в глянцевах обложках, запечатанные в защитные файлы, как музейные экспонаты.

Это был её личный Пантеон. Боги и монстры, герои и злодеи, истории, которые никогда не предадут, потому что они уже написаны и зафиксированы. Они не требовали от неё реакции, не ждали улыбки, не оценивали её интонацию. Они просто были. Охраняли периметр.

Мила перевела взгляд на экран ноутбука. Часы в углу безжалостно отсчитывали секунды. 14:58.

Желудок совершил неприятный кульбит, словно она ехала в лифте, у которого оборвался трос. Тошнота подкатила к горлу — липкая, холодная тошнота социального ожидания.

Новый заказчик.

Эти два слова вызвали в ней желание залезть под стол и обмотаться проводами. Новый человек — это всегда уравнение с тысячей неизвестных. Нужно будет настраивать голос,

выбирать правильные слова, имитировать уверенность профессионала, кивать в такт, даже если камера выключена, и считывать полутона чужого недовольства или энтузиазма. Это была попытка. Интервенция в её безопасный кокон.

Она знала, что через две минуты мессенджер взорвется звонком. Звук входящего вызова всегда казался ей сиреной воздушной тревоги. Мила поставила кружку на стол — слишком резко, кофе плеснул через край, оставив на черной поверхности бурую лужицу. Она выругалась одними губами, схватила салфетку и принялась яростно тереть пятно, пытаясь сублимировать панику в механическое действие.

Салфетка пропиталась влагой и порвалась.

14:59.

Мила откинулась обратно на спинку кресла, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. Она посмотрела на Геральта из Ривии, стоявшего на полке справа. У ведьмака было два меча и лицо, лишенное эмоций. Ему было проще. У него были конкретные монстры, которых можно было просто зарубить. У Милы был скайп и необходимость быть «коммуникабельной».

Экран мигнул. Курсор замер. Тишина квартиры натянулась, как струна, готовая лопнуть.

Мила с раздражением выдохнула, глядя на цифры «15:00» в углу экрана, и машинально поправила воротник свитера. Это был огромный, грубой вязки «мешок» цвета болотной тины, в котором можно было бы спрятать небольшую семью беженцев. Она любила такие вещи — бесформенные коконы, призванные размывать силуэт, превращать тело в абстракцию.

Но природа имела на Милу свои, весьма однозначные планы, и плевала на текстильную маскировку.

Даже под слоями шерсти угадывалась тяжелая, сбитая архитектура её тела. Пышная грудь натягивала ткань, заставляя свитер не висеть мешком, а спадать складками, лишь подчеркивая перепад высот к тонкой талии. А ниже, где свитер встречался с широкой, свободной юбкой, начинались бедра — массивные, крутые, как холмы Средиземья. Она была создана с избытком, словно скульптор увлекся, добавляя глину там, где современные каноны требовали резца. Мужчины, встречая её (в те редкие моменты, когда она покидала убежище), обычно зависали взглядом именно на этих «недостатках» маскировки. Их глаза маслились, голоса становились ниже, и начиналась эта утомительная игра в охотника и добычу.

Мила ненавидела это. Не мужчин как вид — с ориентацией у неё всё было по дефолтным настройкам, — а именно этот социальный ритуал. Все эти попытки «вытащить её в свет», «рас-тормошить», «показать реальную жизнь». Словно она была сломанным механизмом, который нужно починить вечеринками и прогулками под луной. Они лезли к ней с гаечными ключами своего экстравертного энтузиазма, пытаясь подкрутить гайки там, где ничего не болталось.

Её идеал был другим. Он был тихим. Фантомный образ кого-то, кто не будет тянуть её за руку в шумный бар. Кого-то, кто просто сядет в соседнее кресло, уткнется в свой монитор и будет молча существовать рядом. Синхронное стучание клавиш как музыка любви. Совместная нарезка овощей на ужин под бубнеж старого ситкома. И всё. Никаких «выходов», никаких драм, никаких попыток переделать её мир под стандарты нормальности. Герметичное счастье для двоих внутри бетонной коробки.

Она перевернула кружку, вытряхивая последнюю каплю на дне. Пусто.

15:01.

Звонка не было.

Внутри что-то сухо шелкнуло. Раздражение, острое, как бумажный порез, сменило тревогу. Мила нахмурилась. Её пальцы, только что нервно теревшие край стола, теперь выбивали злую дробь.

Она не терпела опозданий. Время для неё было таким же строительным материалом, как полигоны в 3D-моделировании. Если ты удаляешь несущую грань, конструкция рухнет. Если ты крадешь минуту, ты ломаешь структуру дня.

Это не было травмой. У неё не было истории про отца-тирана с ремнем или мать-истеричку, кричащую из-за немытой посуды. Наоборот, её родители были существами почти эфирными, мягкими, как пух одуванчика. Они никогда не повышали голос, позволяя маленькой Миле расти, как дикий цветок. И именно этот вакуум внешнего контроля породил внутри неё собственного надзирателя. Жестокого и бескомпромиссного.

Она сама выстроила свою внутреннюю казарму. Сама придумала устав, сама назначала наряды вне очереди за проступки, сама выносила выговоры перед строем своих мыслей. Эта самодисциплина въелась в подкорку, проросла в быт. Квартира вокруг была стерильна. На полу — ни пылинки, ни случайного носка. Книги на полках выровнены по корешкам с точностью до миллиметра. Подушки на диване лежали строго симметрично.

Единственным разрешенным оазисом хаоса был рабочий стол. Здесь, среди нагромождения техники и канцелярии, её внутренний надзиратель давал слабину, признавая, что творчество требует некоторой энтропии. Но за пределами этой столешницы царил тоталитарный порядок.

А этот новый заказчик, этот невидимый пока человек, уже нарушил устав.

15:02.

Мила поджала губы, чувствуя, как внутри закипает холодная праведная злость. Он воровал её время. Он вторгался в её расписание своим отсутствием так же грубо, как если бы вошел в грязной обуви на её идеально чистый ламинат. Она смотрела на темный экран мессенджера, как судья на пустую скамью подсудимого, который посмел не явиться на собственный приговор.

Отсутствие звонка ощущалось как зуд под кожей. Тишина стала липкой, невыносимой, и Мила, чтобы не сойти с ума от ожидания, капитулировала перед кофемашиной. Она встала, чувствуя тяжесть собственных бедер, и направилась на кухню — зону стерильной белизны.

Машина зажужжала, выплевывая струю черной жидкости. В этот раз Мила изменила ритуал: достала из холодильника пакет густых сливок. Белая струйка разбила угольную черноту, превращая напиток в мягкую, карамельную взвесь. Сладкое — чтобы заесть горечь опоздания.

Она вернулась, плюхнулась в кресло, и ровно в тот момент, когда керамика коснулась столешницы, комната взорвалась трелью.

Zoom. Иконка синей камеры пульсировала на экране, как глаз киборга.

Мила на секунду зажмурилась, натягивая на лицо рабочую маску — ту самую, где уголки губ чуть приподняты, а в глазах вместо паники плещется профессиональный интерес. Щелчок мышкой. Принять.

— Алло, здравствуйте, — голос в динамиках был неожиданно молодым и бодрим, с легкой хрипотцой человека, который много говорит по телефону.

— Привет. Милана?

— Да, да, это я, — её собственный голос звучал чуть ниже обычного, она всегда подстраивала тембр, чтобы казаться старше и веселее. — Вы Виктор? Из «Суши-Зеро»?

На экране появился парень. Не в пиджаке, как она боялась, а в обычной черной футболке. Фон за ним был размыт, но угадывались коробки и какие-то строительные леса.

— Да, это я! Слушай, сразу к делу, — он говорил быстро, жестикулируя, словно пытался раздвинуть рамки маленького окошка видеосвязи. — Я открываю свою первую точку. Это будет не просто забегаловка, понимаешь? Это флагман. И у меня там будет экран, огромная LED-панель прямо на фасаде, над входом. Люди будут идти мимо, и они должны залипнуть.

Мила кивнула, отпивая сладкий кофе. Пока всё стандартно.

— Я хотел с тобой посоветоваться, как это спозиционировать, — продолжил Виктор, подавшись вперед к камере, его лицо исказилось широкоугольной линзой. — Мила, мне не нужен просто плоский значок, логотипчик в векторе, это прошлый век. Я открываю топовое

место, «Суши-Зеро». Зеро — это ноль, начало, пустота, космос. Мне нужен иероглиф, который живет своей жизнью.

Он сделал паузу, подбирая слова, его руки чертили в воздухе сложные фигуры.

— Чтобы люди шли мимо, смотрели на экран, и им казалось, что символ уходит вглубь реальности. Понимаешь? Не просто выпуклый, а Сделай мне 4D, бюджет позволяет! Я хочу, чтобы это взрывало мозг.

Мила едва не поперхнулась. 4D. Конечно.

Она знала этот тип клиентов. Они ходили в кинотеатры, где кресла бьют тебя по почкам, а в лицо брызжут водой, и называли это «четвертым измерением». Для Виктора «4D» было просто синонимом слова «круто», маркетинговым ярлыком для чего-то за гранью обыденного. Он хотел геометрию невозможного, не понимая, что просит.

Мила поставила кружку. Её пальцы легли на клавиатуру, но печатать было нечего. Нужно было говорить.

— Виктор, — она начала мягко, как врач, объясняющий пациенту, что лишняя рука не вырастет, даже если очень заплатить. — Послушай. 4D — это математическая абстракция. Четвертое измерение — это время, или пространственная ось, перпендикулярная всем трем нашим. Мы живем в трехмерном мире, а твой экран — это вообще 2D-плоскость, лист пикселей. Мы не можем увидеть четвертую ось физически. Наш мозг не умеет это обрабатывать. Мы можем увидеть только её тень, проекцию.

Виктор на экране слегка нахмурился, но не перебил. Он слушал.

— Но, — Мила повысила голос, перехватывая инициативу, пока он не разочаровался. — Я могу сделать тебе «псевдо-четырёхмерность». Концептуально это будет именно то, что ты хочешь.

Она развернула на втором мониторе пустую сетку блендера, хотя Виктор этого не видел. Её мозг уже строил модель.

— Мы возьмем твой иероглиф. Сделаем его трехмерным, материальным. А потом поместим его внутрь копии самого себя.

— В смысле? — Виктор моргнул.

— Представь прозрачный иероглиф, внутри которого вращается еще один. Но не просто вращается. Я создам вложенную геометрию, как в тессеракте — гиперкубе. Когда модель будет двигаться, грани внутреннего знака будут проходить сквозь грани внешнего, плавно выворачиваясь наизнанку. Это визуальный трюк. Будет казаться, что объект находится внутри и снаружи одновременно. Он будет бесконечно перетекать сам в себя. Это и есть визуализация четвертого измерения для человеческого глаза.

Мила замолчала, глядя на лицо заказчика. Виктор завис. Его брови сошлись на переносице, рот чуть приоткрылся. Он не злился, нет. В его глазах читалась напряженная работа мысли. Он пытался представить этот выворачивающийся наизнанку иероглиф, этот стеклянный танец форм, о котором говорила странная девушка в огромном свитере, но картинка в его голове пока не складывалась. Его «простой» запрос на «крутое 4D» вдруг превратился в лекцию по высшей геометрии, и он, кажется, искренне пытался не утонуть в этой информации.

Виктор замер на экране, его взгляд был расфокусирован — он явно прокручивал в голове образ бесконечно выворачивающегося символа. Потом он медленно кивнул, и на его лице проступила улыбка человека, который нашел золотую жилу, пусть и не совсем понимает, как её добывать.

— Звучит сложновато, если честно, — признался он, почесав затылок. — Но, черт возьми, именно этого я и хотел! Чтобы мозги скрипели.

Он подался вперед, заговорщицки понизив голос, хотя в его пустом помещении никого не было.

— Только есть одно «но», Мила. Мне не нужен иероглиф из словаря. Никаких там «рыба», «рис» или «счастье». Я хочу несуществующий знак. Абсолютно новый глиф. Понимаешь?

Мила чуть приподняла бровь.

— Чтобы потом, когда у меня будут брать интервью для «Ресторатора» или местного глянца, я мог сказать: «Ребята, мы не просто взяли картинку из стока. Мы создали новый символ. Этот знак означает "Суши-Зеро" и больше ничего». Смысла в моем проекте так много, — он развел руками, показывая масштаб, — что он поместился только в четырехмерном иероглифе. Обычной плоскости ему мало.

Мила молча кивнула, сохраняя бесстрастное лицо, но внутри неё разлилось теплое чувство облегчения. Виктор не стал спорить с геометрией, не стал требовать «сделать красненьким», не полез в технические дебри с дилетантскими советами. Он профессионально не понял. Он принял концепцию, доверился её экспертизе и просто добавил сверху слой своего маркетингового безумия. Это было качество гибкого ума, редкое в её практике. Идиоты обычно спорят до пены у рта, пытаясь подчинить физику своим хотелкам. Умные люди делегируют сложность.

— Новый иероглиф — это даже лучше, — спокойно ответила она. — Никаких привязок к семантике, чистая эстетика формы.

Они потратили еще минут десять, обсуждая «характер» линий. Виктор хотел баланса: не слишком агрессивные углы, чтобы не отпугивать, но и не «пузыри», чтобы не выглядеть дешево. «Остро, но плавно, как разрез ножом по лососю», — выдал он очередную метафору, которую Мила мысленно перевела в настройки сглаживания кривых Безье.

— По срокам что? — спросил он в конце. — Месяц у нас есть до открытия, но в идеале через пару недель хотелось бы уже тесты на экране гонять.

— Две недели — рабочий вариант, месяц — с запасом на рендер в высоком разрешении и правки, — отчеканила Мила.

Для неё это был царский подарок. С её мощностями и скиллом она могла бы выдать драфт уже к вечеру, а финал — через три дня. Но она никогда не озвучивала реальную скорость. Запас времени — это её страховка, её возможность отшлифовать грани до блеска, переделать свет, а потом еще неделю просто смотреть на результат, зная, что работа уже сделана, но еще не сдана. Это давало чувство контроля.

— Договорились. Лови аванс.

Телефон пискнул уведомлением банка. Сумма упала мгновенно, без всяких «завтра бухгалтер проведет».

— Пока, Мила! Жду магию!

Экран погас. Окошко Zoom схлопнулось.

В квартире снова воцарилась тишина, но теперь она звенела в ушах. Мила откинулась на спинку кресла и с шумом выдохнула воздух, который, казалось, держала в легких все эти двадцать минут. Плечи, до этого напряженно приподнятые, упали вниз.

Это было похоже на разминирование. Каждый такой звонок — это перерезание проводков вслепую. С мамой или папой разговор тек как ручей, без усилий. С «Джейн» — её подругой по переписке из Канады — она могла часами обсуждать нюансы покраски миниатюр, не подбирая слов. Даже с рандомами в голосовом чате «Доты» или «Овервотча», когда адреналин схватки стирал социальные барьеры, ей было проще: там была цель, были приказы, была ясная иерархия.

Но новые клиенты Это была зона отчуждения. Это был чистый, дистиллированный стресс. Нужно было сканировать собеседника, подстраиваться, улыбаться невидимым мускулам лица, играть роль «нормального человека». Она не успевала к ним привыкнуть, не успе-

вала найти точки опоры. Они врывались, требовали часть её души и денег, и исчезали, оставляя после себя только эмоциональное истощение и цифры на счете.

Мила потеряла виски, чувствуя, как пульсирует жилка. Ад закончился. Теперь начиналась работа. Она была в безопасности.

Мила потянулась к ватману, крутанувшись на кресле влево. Белое поле А2 было её песочницей, местом, где мысли обретали плоть без посредничества пикселей. Она взяла мягкий карандаш — 4В, грифель жирный, податливый, оставляющий бархатистый след, — и коснулась бумаги в самом углу, словно пробуя воду носком.

Первый символ вышел агрессивным. Это была стилизация под молнию или трещину в стекле: ломаная линия, перечеркнутая двумя параллельными штрихами. Он напоминал кандзи «сила», но исковерканный, мутировавший. Слишком остро. Слишком опасно для еды. Выглядело так, будто суши будут нарезать катаной прямо у тебя во рту. Мила нахмурилась и зачеркнула его легким крестиком.

Второй вариант потек в другую сторону. Плавные, округлые формы, напоминающие спираль или водоворот, в центре которого застыла капля. Это было «дзен», это было «зеро», но это было скучно. Похоже на логотип спа-салона или производителя сантехники. Слишком мягко, слишком женственно для того киберпанк-безумия, которое хотел Виктор.

Третья попытка. Рука сама повела линию, сначала твердо вниз, потом резкий излом, как колено богомола, и закругление внизу — хищный крюк, якорь, цепляющийся за реальность. На вершине этого крюка она добавила угловатую засечку, смотрящую вверх, как прицел. А внизу, под самым изгибом «брюшка», поставила две жирные точки.

Она отстранилась.

Это было оно. Странный гибрид. Якорь, удерживающий пустоту. Смайлик инопланетянина, подмигивающего из бездны. Иероглиф неизвестной цивилизации. Угловатая засечка придавала ему техногенности, а нижняя загогулина добавляла текучести, намекая на морепродукты, но не говоря о них прямо. Две точки создавали ритм, балансировали тяжелый верх.

Мила сделала глоток кофе, не отрывая взгляда от наброска. Сливки уже осели на дно, оставив на губах сладкую пленку. Нужно развивать эту идею. Масштабировать.

Она сдвинулась к центру листа, где было больше чистого пространства, чтобы перерисовать символ крупнее, добавить ему толщины, представить, как он будет выглядеть в объеме. Грифель коснулся бумаги, провел первую уверенную линию.

И вдруг пол под ногами дрогнул.

Коротко. Резко. Словно гигантский молот ударил по фундаменту дома где-то очень глубоко в недрах земли. Вибрация прошла сквозь ножки кресла, отдалась в позвоночнике и затихла быстрее, чем Мила успела испугаться.

Она замерла, подняв карандаш. В комнате было тихо. Фигурка Венома на полке стояла неподвижно. Вода в стакане на столе не дрожала.

— Показалось? — прошептала она.

Может, ногу отсидела? Кровоток пережало, нерв дернулся, и мозг интерпретировал этот внутренний спазм как внешнее сотрясение. Она пошевелила пальцами ног в толстых носках. Вроде нормально.

Мила тряхнула головой, отгоняя наваждение. Вернулась к листу. Этот эскиз требовал цифры. Его нужно было перегнуть в вектор, вытянуть грани, заставить светиться неоном. Она представила, как перенесет его на планшет, как стилус повторит эти хищные изгибы, как она начнет строить вокруг него ту самую прозрачную тюрьму гиперкуба.

БАЦ.

В этот раз не трясло. В этот раз мир моргнул.

Свет в комнате не погас, мониторы не выключились. Но само пространство, воздух, предметы — всё на долю секунды стало негативом, выцвело до серой ряби, а потом схлопнулось обратно в цвет. Словно кто-то нажал Ctrl+Z на реальности и тут же передумал.

Мила выронила карандаш. Он с сухим стуком покатился по столу.

Сердце пропустило удар. Она перевела взгляд на окно. Там всё было как обычно — серое небо, крыши соседних многоэтажек.

— Переутомление, — поставила она себе диагноз, и голос прозвучал неуверенно.

Сегодня был тяжелый день. Еще до звонка Виктора она сдавала макет для зоозащитников — жуткий плакат с печальной собакой, где пришлось вырисовывать каждую шерстинку и слезу, чтобы заказчик перестал ныть про «недостаточно душевно». Глаза устали. Мозг перегрелся от напряжения.

Но тот иероглиф Он был хорош. Он смотрел на неё с листа бумаги, этот странный якорь с двумя точками, и казалось, что он вибрирует чуть иначе, чем всё остальное в комнате.

— Завтра, — решила Мила, потирая глаза. — Завтра я возьмусь за него плотно. Свежая голова, чистый рендер.

Нужно просто отдохнуть. Псевдо-4D никуда не денется.не денется.

Глава 2. Стена четвертого измерения

Утро пришло не через окно, а через внутренний таймер. Мила открыла глаза за минуту до будильника, выключила его, не давая нарушить тишину, и сползла с кровати. Её движения были отработаны до автоматизма, как скрипт запуска операционной системы. Кухня, жужжание кофемашины, тосты с авокадо, выложенные идеально ровными ломтиками. Душ — горячий, почти обжигающий, смывающий остатки снов. Потом — ритуал облачения. Она натянула вчерашний свитер цвета тины, который пах её собственным уютом и духами с нотками сандала, и влезла в свободную юбку. Броня была надета. Мир мог начинаться. Она вошла в рабочую зону и замерла. На огромном листе А2, где вчера вечером родился «якорь-закорючка», что-то изменилось. Графит, тот самый мягкий 4В, который должен был держать цвет годами, выцвел. Линии стали бледными, призрачными, словно рисунок пролежал под прямым солнцем неделю, а не ночь в зашторенной комнате. Очертания сохранились, но они потеряли свою агрессивную черноту, став серым эхом вчерашней идеи. Мила провела пальцем по бумаге и почувствовала под подушечкой что-то зернистое. Песок. Не обычная уличная пыль, серая и невзрачная. Это были крохотные крупинки ярко-желтого, почти канареечного цвета. Они лежали тонкой россыпью именно вокруг рисунка, словно кто-то вытряхнул их из миниатюрных песочных часов прямо над её эскизом. — Откуда? — Мила подняла палец, разглядывая прилипшую крупинку. Окна закрыты. В квартире работает очиститель воздуха. Она не была на пляже лет пять. Желтый песок в центре её стерильного бункера выглядел как баг текстуры, как ошибка рендеринга. Она стряхнула песчинку, взяла влажную салфетку и аккуратно, стараясь не размазать бледный рисунок, смела желтую пыль в мусорку. Рациональное объяснение не находилось, поэтому мозг решил его просто проигнорировать. Может, осыпался старый сувенир с полки? Или что-то из стройматериалов соседей просочилось через вентиляцию? Мила села в кресло, взяла свежий линер — черный, угольный, бескомпромиссный — и склонилась над листом. Нужно было восстановить контур. Вернуть ему силу. Наконечник коснулся бумаги, и она повела линию по бледному следу. Якорь снова наливался чернотой. Угловатая засечка, хищный изгиб, две точки-глаза. Рука шла уверенно, повторяя вчерашний ритм, но с большей точностью. Она утолщала штрихи там, где нужен был «вес», и делала их тоньше на концах, имитируя каллиграфию кистью. Когда последняя точка заняла свое место, возвращая символу его странную, чужеродную гармонию, пространство вокруг неё дрогнуло. Мерцание. Снова. Короткий сбой матрицы. Цвета инвертировались и вернулись обратно за долю секунды. Стены комнаты словно дышали, расширившись и сузившись, как грудная клетка гиганта. Мила отложила линер, с силой потерев виски. — Да что ж это такое, — прошипела она в пустоту. — Не выпалась? Давление? Она закрыла глаза, считая до десяти. Перед внутренним взором плясали цветные пятна. Видимо, перенапряжение глазного нерва. Вчерашний стресс с зоозащитниками плюс новый заказ — мозг просто не успел перезагрузиться. Мерещится же всякое. Нужно было переключиться на моторику. Ручной труд всегда успокаивал. Она отодвинула ноутбук и достала из нижнего ящика стола набор прозрачных пластиковых пластин размером 20 на 20 сантиметров. Остатки от старого макета для архитектурного бюро. Идеальные квадраты из тонкого акрила. Ей нужно было физически понять, как этот «псевдо-4D» будет работать в объеме. Смоделировать в голове — это одно, а повертеть в руках — совсем другое. Мила взяла скотч и принялась собирать куб. Четыре стенки встали вертикально, дно замкнуло контур. Получился прозрачный ящик, ловушка для воздуха. Она взяла маркер для белой доски и аккуратно, сверяясь с эскизом на бумаге, перенесла иероглиф на переднюю грань куба. Черные линии повисли в прозрачности пластика, отбрасывая тень на заднюю стенку. Теперь самое сложное. Концепция. Она взяла еще одну пластину. Это была «лишняя» грань. Та самая, которая в теории Виктора должна была выворачивать реальность. Мила приклеила её сбоку, пер-

пендикулярно боковой грани, создавая странный отросток, крыло, нарушающее симметрию куба. Это был мостик. В её воображении (и в будущем рендере) эта плоскость не просто торчала сбоку. Она должна была служить точкой входа для четвертого измерения. Когда модель на экране начнет вращаться, именно эта плоскость станет «дверью», через которую внутренний иероглиф будет проходить сквозь внешний. Мила закусила губу, увлеченная процессом. Она взяла красный маркер и начала рисовать на этой боковой пластине продолжение иероглифа — те части, которые в трехмерном мире были бы невидимы, «спрятаны» в складках пространства. Линии тянулись от основного черного знака, перепрыгивали через угол куба на приставную «четвертую стену», изгибаясь под неестественными углами. Это была анатомия невозможного. Если смотреть под определенным ракурсом, красный и черный маркеры соединились в единую, бесконечную петлю. Она почти закончила штриховать «теневую» часть символа, когда телефон на столе коротко вибрировал, вырывая её из геометрического транс. Экран вспыхнул сообщением. Мама. «Мила, солнышко, такая погода хорошая, может, выйдешь на улицу? Хочешь, куплю билеты в кино на вечер? Там новый фильм вышел, говорят, красивый. Вместе сходим, попкорн поедим?» Мила замерла с красным маркером в руке. Внутри кольнуло привычное чувство вины, смешанное с раздражением. Мама. Всегда с лучшими намерениями. Всегда с этим мягким давлением заботы. Кино. Толпа людей, хруст, запахи чужих духов, необходимость сидеть два часа в темноте рядом с незнакомцами. И разговоры. «Как дела?», «Что нового?», «Ты совсем бледная». Нет. Она положила маркер и быстро, чтобы не передумать, набрала ответ: «Мам, прости. Работы очень много, новый заказчик, сроки горят. Времени совсем нет. Извини, в другой раз». Отправить. Она перевернула телефон экраном вниз, блокируя возможный ответ, и снова посмотрела на свой странный пластиковый контрукт. Куб с торчащим крылом и нарисованным на нем черным якорем, уходящим в красную абстракцию. Это было безопаснее. Геометрия не обижается. Мила вернулась к кубу. Маркер в её руке завис над «четвертой стеной» — тем самым отростком из акрила, который торчал из бока конструкции, нарушая привычную логику формы. Сейчас эта прозрачная пластина была чистым холстом для того, что должно быть скрыто от глаз в нашем трехмерном мире. Она прищурилась, мысленно проецируя линии. Основной «якорь» был на передней грани. Теперь нужно было нарисовать его изнанку, его тень в четвертом измерении. Кончик маркера коснулся пластика. Скрип. Мила повела линию от края, где красный штрих обрывался на углу куба. Она рисовала те самые «угловатые отрывки» — фрагменты засечки, которые в её воображении должны были выворачиваться наизнанку. Линии ломались под острыми углами, создавая геометрический ритм, похожий на кардиограмму. Вверх, вправо, резкий спад вниз. Потом — две жирные точки. Они должны были находиться не под якорем, как в 2D-версии, а за ним, в глубине проекции. На плоском пластике это выглядело странно: две черные бусины, парящие в пустоте сбоку от основной конструкции. Она заштриховала одну точку. Скрип-скрип. Вторую. Скрип-скрип. Последний штрих замкнул контур. Символ на пластике вдруг обрел целостность. Казалось, если сейчас крутануть этот нелепый куб, рисунок действительно оживет и начнет перетекать сам в себя. Мила удовлетворенно выдохнула, закручивая колпачок маркера. Щелчок прозвучал неожиданно глухо. Словно звук увяз в вате. В этот момент она почувствовала кожей, как изменилась температура воздуха. Стало прохладнее. И запах Исчез аромат кофе и нагретого пластика. Пахло чем-то другим — старой пудрой, воском и холодным камнем. Мила не оборачивалась. Она была так поглощена своим творением, что изменения происходили на периферии сознания, как фоновый шум. Она лишь потянулась за чашкой, чтобы сделать глоток, и её рука наткнулась на пустоту там, где должен был стоять графин с водой. Это заставило её поднять голову. Её взгляд уперся не в привычную стену с полками, забитыми фигурками Венома и лорбуками по Вархаммеру. Полок не было. Вокруг её стола — её черного, массивного, технологичного острова с двумя мониторами и кучей проводов — простиралось чужое пространство. Сзади неё, там, где только что была дверь в коридор и шкаф-купе, исчезла привыч-

ная реальность. Её квартира была срезана, как ножом. Остался только островок пола под её креслом и столом, идеально ровно вписанный в новый паркет. Мила медленно повернула голову. Она сидела посреди зала, который мог бы принадлежать капризной принцессе из барочной сказки, но с налетом какого-то болезненного величия. Стены были высокими, уходящими в потолочную лепнину, покрытую сусальным золотом и серебром. Но это было не теплое золото солнца, а холодное, лунное сияние. Обои — шелковые, цвета увядшей чайной розы, с тонким дамасским узором, который при ближайшем рассмотрении складывался не в цветы, а в сплетение терновых ветвей. Освещение было таким же, как у неё дома — мягким, рассеянным, — но источника не было видно. Её напольные LED-светильники, создававшие уютный полумрак, исчезли. Свет лился просто из воздуха, или, может быть, от самих стен. Мила встала. Кресло скрипнуло — единственный знакомый звук в этой симфонии чужого богатства. Её ноги в толстых вязаных носках ступили с ламината её «островка» на чужой пол. Это был наборный паркет из темного, почти черного дерева, отполированный до зеркального блеска. В нем отражались её ноги, край свитера и ножки стола, выглядевшего здесь как пришелец из будущего, потерпевший крушение в Версале. Она пошла на свет. В дальнем конце комнаты угадывалось огромное окно, занавешенное тяжелыми портьерами из серебристого бархата. Ткань была настолько плотной и массивной, что казалась отлитой из металла. Мила подошла к окну. Её рука утонула в складках бархата — он был холодным и скользким. Рывок. Шторы с тяжелым шелестом, похожим на вздох гигантского зверя, разошлись в стороны. Свет ударил в глаза — не солнечный, а какой-то молочно-белый, ровный, бестеневой. Перед ней открылась панорама комнаты. Это была действительно спальня. В центре стояла кровать — нет, ложе. Огромное, под балдахинном, который поддерживали четыре витые серебряные колонны, увитые золотыми лозами. Покрывало было расшито жемчугом, сотни, тысячи мелких бусин складывались в узор созвездий, которых Мила никогда не видела на небе. Изголовье кровати представляло собой гигантскую раковину, инкрустированную перламутром. По углам стояли высокие зеркала в массивных рамах, но отражения в них были мутными, словно затянутыми туманом. Туалетный столик у стены был заставлен флаконами из горного хрусталя, шкатулками из слоновой кости и гребнями, украшенными драгоценными камнями. Всё это кричало о роскоши, о древности, о статусе. Но здесь никого не было. Тишина была плотной, вековой. Пыли не было ни на одной поверхности, словно время здесь остановилось или горничные были невидимыми призраками. Мила обернулась на свой стол. Он стоял посреди этого великолепия черной, чужеродной кляксы. Мониторы светились привычным рабочим столом Windows, куб из пластика с нарисованным иероглифом стоял на месте, маркер лежал рядом. И в этот момент она поймала себя на странном ощущении. Сердце билось ровно. Ладони были сухими. Она не кричала. Не искала телефон, чтобы вызвать полицию или проснуться. Страх не было. Того липкого, холодного ужаса, который должен был бы охватить человека, провалившегося в другое измерение, просто не существовало в её эмоциональном спектре прямо сейчас. Вместо паники внутри разливалось спокойствие. Глубокое, прохладное, как вода в горном озере. — Хм, — произнесла Мила вслух. Её голос не дрогнул, а мягко отразился от шелковых стен, теряясь в лепнине потолка. Ей было интересно. Это было чувство исследователя, который нашел в коде игры секретную локацию. Чувство игрока, который провалился сквозь текстуры и обнаружил не пустоту, а скрытый уровень разработчиков. Она подошла к туалетному столику, провела пальцем по грани хрустального флакона. Холодно. Реально. Сенсорно. Где она? Почему её стол перенесся вместе с ней? И, самое главное, почему этот помпезный, вычурный интерьер не вызывал отторжения, а казался странно уместным фоном для её следующей задачи? Мила огляделась, впитывая детали. Золото, серебро, бархат, терновник на обоях. Это был квест. И она только что приняла его, даже не читая условия. И вот он снова. Тот самый песок. Мила опустила взгляд. На идеально отполированном темном паркете, контрастируя с мрачной древесиной, лежала россыпь ярко-желтых крупинок. Они светились в странном рассеянном свете комнаты, как

рассыпанное пшено. Легкий сквозняк, гуляющий по залу, подхватил горсть песчинок, и они взвились в воздух золотистым вихрем, танцуя в лучах белого света. Мила вдохнула. Воздух пах озоном, мокрым камнем и еще чем-то неуловимо пряным, похожим на шафран. Это был запах абсолютной свежести, чистоты, не тронутой выхлопными газами и гарью. От него кружилась голова, как от кислородного коктейля. Она развернулась и вышла из спальни. Двери — высокие, двустворчатые, украшенные резьбой в виде спящих львов — были распахнуты настежь. Коридор тонул в полумраке. Окон здесь не было, свет просачивался только из открытых комнат, выхватывая из темноты фрагменты: колонны, увитые каменным плющом, ниши с пустыми постаментами, гобелены, превратившиеся от времени в серую труху. Но пол был покрыт слоем песка. Здесь его было больше, он лежал барханами у плинтусов, заметал углы, хрустел под подошвами её домашних тапочек. Мила шла вперед, оставляя за собой цепочку следов. Коридор вывел её на широкую террасу. Парапет был полуразрушен, и отсюда открывался вид, от которого захватило дух. Город лежал перед ней как на ладони. Это был лабиринт из белого камня и золотых куполов, каскадами спускающийся вниз по склону гигантского холма. Архитектура была безумной смесью восточных дворцов и готических соборов: шпили пронзали небо, арки переплетались в невозможные узлы, мосты соединяли башни на головокружительной высоте. Но улицы были пусты. Площади, вымощенные мозаикой, казались пятнами краски на холсте. Проспекты, широкие, созданные для парадов, были безжизненны. Ни одной повозки. Ни одной фигурки. Никакого движения. Даже птиц не было в небе. Абсолютная, звенящая тишина накрыла этот мир саваном. Не было гула голосов, стука колес, лая собак. Город спал мертвым сном, засыпанный золотой пылью времени. Только в одном месте, в самом центре огромной круглой площади, к которой сбегались все главные улицы, что-то нарушало покой. Там, посреди белого камня, висела в воздухе вертикальная трещина. Она пульсировала ярко-синим, электрическим светом, словно кто-то прорезал ткань реальности лазерным резакком. Края разлома дрожали, испуская искры, и даже отсюда, с высоты, было видно, как искажается пространство вокруг, затягивая в себя свет. — Портал, — уверенно произнесла Мила. — Обратно домой. Мысль принесла облегчение. Это всё объясняло. Осознанный сон. Конечно. Она читала про техники, когда мозг моделирует сверхреалистичные миры. Вот тебе и странный песок, и отсутствие людей, и этот нелогичный микс стилей. Мозг просто выгрузил текстуры из всех игр и фильмов, что она видела, и слепил уровень. А разлом — это точка выхода. Пора просыпаться. Погуляли и хватит. С этой мыслью она двинулась к лестнице. Широкие мраморные ступени, ведущие вниз, были почти полностью скрыты под наносами песка. Он стекал по ним, как густая желтая патока, сглаживая углы. Мила наступила на первую ступеньку, тапочек скользнул по песку, и она, не удержав равновесия, поехала вниз. — Ой! Но страха не было. Она села на попу, поджав ноги, и покатилась, как с горки зимой. Песок шуршал под ней, мягкий, теплый. Она набирала скорость, пролетая пролет за пролетом, кружась на поворотах винтовой лестницы. Она засмеялась. Громко, заливисто, от души. — Ю-ху-у! Эхо её голоса отражалось от пустых стен, множилось, летело вверх. Ей было весело. Никто не видел. Никто не мог осудить. Никто не посмотрел бы на неё как на сумасшедшую тетку в оверсайз-свитере, катающуюся на заднице по песку в заброшенном дворце. Это была свобода. Чистая, детская радость в мире без свидетелей. Она вылетела из парадного входа, проскользив последние метры по инерции, и остановилась прямо на краю той самой площади. Здание, из которого она вышла, нависало над ней громадой резного камня, но Мила даже не обернулась. Её взгляд был прикован к центру. Там, у подножия сияющего синего разлома, кто-то стоял. Антропоморфная фигура. Высокая, выше обычного человека, стройная, почти истощенная. — Кто это? — Мила поднялась, отряхивая песок с юбки. — Что это? Существо двигалось. Медленно, с какой-то механической грацией. Оно склонило голову, словно изучая трещину. Его тело отблескивало металлом — или полированным камнем? — в свете двух солнц, висящих в небе (она только сейчас заметила их — два диска, один побольше, другой поменьше). — Робот? — предположила она.

— Или голем? Ну конечно. Сон же. Мозг решил добавить NPC. Немного нелогично для фэнтези-дворца, но кто сказал, что сон должен соблюдать жанровые рамки? Может, это стимпанк. Или манапанк. — Эй! — крикнула она, но звук утонул в тишине площади. Существо не обернулось. Мила поправила очки, одернула свитер и решительно зашагала вперед. Прямо к трещине. Прямо к фигуре. Это всего лишь сон. А во сне можно всё. Можно подойти к роботу-охраннику, постучать по его металлической груди и спросить: «Где тут кнопка "Проснуться"?» Мила уверенно печатала шаги по нагретому камню площади, чувствуя себя героиней, идущей к финальному боссу. Но метрах в пятидесяти от разлома её ноги сами собой вросли в брусчатку. Воздух рядом с синей трещиной сгустился, пошел рябью, как вода от брошенного камня, и из ниоткуда шагнули двое. Они были нечеловечески белыми. Их кожа не имела оттенка — ни розового, ни бежевого, ни даже мертвенно-бледного. Это была абсолютная белизна чистого листа бумаги, мела, снега, который никогда не знал грязи. На этом фоне их глаза казались провалами в бездну — абсолютно черные, без белков и зрачков, словно две капли нефти на мраморе. Лица были красивыми, тонкими, с резкими скулами, но застывшими, как у античных статуй. Первый был закутан в балахон — бесформенную рясу из грубой серой ткани, похожей на мешковину, перехваченную веревкой на поясе. Капюшон был откинут, открывая лысый, идеально гладкий череп, на котором пульсировала тонкая синяя вена. Второй был полной противоположностью. На нем был длинный плащ из кожи — не искусственной, не коровьей, а какой-то странной, чешуйчатой фактуры, цвета свернувшейся крови. Плащ сидел на нем как влитой, подчеркивая узкие плечи и длинный торс. Под плащом угадывалась сложная сбруя из ремней. В правой руке он сжимал предмет, похожий на трость или жезл: длинная, узловатая палка из черного дерева, увенчанная идеальной сферой из матового стекла, внутри которого клубился серый дым. Мила затаила дыхание. Это уже не походило на дружелюбных NPC. От этих двоих веяло холодом, который пробивал даже через солнечный жар площади. Они не посмотрели в её сторону. Казалось, для них она была не важнее песчинки под ногами. Оба Белых подошли к антропоморфному существу, которое всё так же неподвижно стояло у трещины. Тот, что в рясе, коротко, отрывисто кивнул роботу. Движение было механическим, лишенным эмоций. Робот (или что это было?) ответил таким же скупым наклоном головы — сухой звук трущихся поверхностей разнесся в тишине. Красный плащ поднял руку с жезлом. Он не произносил заклинаний, не делал сложных пассов. Просто резкий взмах — горизонтальный росчерк в воздухе. Пространство разорвалось. Это не было похоже на первую трещину. Там, где прошел конец жезла, реальность лопнула пузырем. Открылся проход — овал, затянутый пленкой невероятного цвета. Это был синий, но не тот синий, что мы видим в небе или на море. Это был «мультик» ультрамарин, густой, насыщенный, почти светящийся изнутри, цвет, который можно встретить только в палитре пережатого HDR-фильтра или в детской анимации про подводный мир. Он был слишком ярким, слишком искусственным для физического мира. Темно-яркая синева, гипнотическая и пугающая своей неестественностью. Красный плащ шагнул в этот цвет первым. Его фигура прошла сквозь пленку без сопротивления и исчезла. Следом, шелестя мешковиной, скользнул монах. Портал схлопнулся за их спинами без звука, оставив после себя лишь легкое колебание воздуха. Мила почувствовала, как по спине пробежал холодок. Её уверенность в «безопасном сне» дала трещину. Слишком странно. Слишком детализировано. Слишком чужеродно. Она сделала полшага назад. Идея подойти к роботу и спросить про выход уже не казалась такой блестящей. Существо осталось стоять у первой трещины, словно часовой. Его силуэт на фоне мерцающего разлома выглядел угрожающе. — Ладно, — прошептала Мила, медленно отступая за ближайшую колонну. — Подождем. Пусть эта железка уйдет. А потом уже разберемся. Её сердце, еще минуту назад спокойное, теперь глухо стучало о ребра. Инстинкт самосохранения проснулся и требовал занять позицию в укрытии.

Глава 3. Функция

Мила стояла за колонной, вцепившись пальцами в холодный камень. Прошло пять минут. Десять. Ничего не менялось.

Робот был статуей. Он застыл перед синей трещиной — той самой, через которую, как Мила надеялась, лежал путь домой, — и, казалось, медитировал на искажения пространства. Он просто стоял и пялился. Бесконечно. Бездумно.

— Ну сколько можно? — прошептала Мила, переминаясь с ноги на ногу. Песок набился в тапочки и неприятно колот ступни.

Ситуация была патовой. Робот не проявлял агрессии, но и уходить не собирался. Он блокировал выход. С другой стороны, он не сделал ни одного движения, которое можно было бы трактовать как угрозу. Он даже на тех жутких альбиносов реагировал с минимальным интересом. Может, он просто декорация? Сломанный NPC, у которого скрипт завис?

Никаких предпосылок, что он зло.

Никаких предпосылок, что он добро.

Классическая дилемма кота Шрёдингера, только вместо кота — двухметровый конструкт, а вместо коробки — целая площадь в мертвом городе.

— Была не была, — выдохнула Мила. Сказала — делай. Она ненавидела нерешительность так же сильно, как опоздания.

Она вышла из-за колонны, поправила очки, одернула свой гигантский свитер, создавая иллюзию брони, и двинулась вперед.

Каждый шаг давался с усилием, словно воздух густел по мере приближения к центру площади. Звук её шагов был единственным, что нарушало вековую тишину.

Мила подошла к порталу. Робот стоял в паре метров, сбоку.

Теперь она могла рассмотреть его в деталях. Это было красиво и пугающе одновременно. Он не был сделан из металла в привычном понимании. Его тело напоминало высохшее дерево, окаменевшую лозу или старую керамику, покрытую сеткой мелких трещин, сквозь которые сочился тусклый золотой свет. Текстура была сложной, органической: переплетенные волокна, узлы, наросты, имитирующие мускулатуру, но лишённые плоти.

Его голова была овальной, без носа и рта, только гладкая маска, испещренная теми же трещинами. Глаза — две глубокие впадины, в которых тлели угольки древнего огня. Вся его фигура была вытянутой, элегантной, как эльфийский доспех, забытый в лесу на тысячу лет и ставший частью природы.

Он не шевелился. Не реагировал на её присутствие.

Мила обошла его по кругу, держа дистанцию вытянутой руки. Он был абсолютно статичен. Словно выключен.

— Привет? — тихо спросила она.

Тишина.

Она вернулась к порталу. Синяя трещина гудела, вибрировала, манила. Она чувствовала, как оттуда тянет чем-то родным — запахом её квартиры, шумом кулеров ноутбука. Это был выход. Точно.

Мила глубоко вдохнула, собираясь с духом. Она подняла руку. Пальцы дрожали. Ей нужно было только коснуться этой синевы, провалиться в неё и проснуться в своем кресле.

Её рука была в сантиметре от пульсирующей грани.

В этот момент голова робота повернулась. Медленно. С тошнотворным звуком трущихся камней.

Его пустые глазницы уставились прямо на неё. В них не было злобы, не было ярости. Только бесконечная, древняя усталость.

Губ у него не было, но голос прозвучал. Он родился не в воздухе, а прямо у неё в голове — сухой, шуршащий, как осенняя листва, гонимая ветром по асфальту.

— Не нужно. Пожалуйста.

Это было настолько неожиданно, настолько человечно и жалобно, что нервная система Милы дала сбой.

Она дернулась, как от удара током, отпрыгнула назад, запуталась в собственных ногах и с глухим шлепком приземлилась на пятую точку прямо на жесткую брусчатку.

— А! — вырвалось у неё.

Сердце колотилось где-то в горле. Она сидела на камнях, таращась на существо снизу вверх, готовая в любой момент вскочить и бежать, но ноги стали ватными. Он говорил. Он просил. Он был живым.

— Не пугайтесь, — снова прозвучал голос, всё такой же сухой, но теперь в нем пропустили новые ноты. Томный, низкий, вибрирующий, как контрабас в пустом зале. Он был грубым, словно голос самой земли, но ласковым, успокаивающим, как колыбельная для урагана. — Просто не трогайте разлом.

Мила моргнула, пытаясь совместить этот баритон с треснувшей керамической маской существа.

— П-почему? — выдавила она, чувствуя себя глупо на холодном камне.

Робот чуть наклонил голову, словно птица, изучающая странного жука.

— Разлом трогать опасно, — произнес он с легким оттенком недоумения. — Вам прямо объяснить почему? Я думал, это крайне понятно уже каждому в этом мире. Это базовая аксиома выживания.

Мила нахмурилась. Страх начал уступать место раздражению и любопытству. Она уперлась ладонями в брусчатку и рывком поднялась на ноги, отряхивая юбку от невидимой пыли. Жест вышел немного дерганым, но решительным.

— Я новенькая, — сказала она, поправляя очки. — Так что да, можете объяснить. Вообще-то я думала, что так попаду домой.

В глазницах робота золотой свет чуть померк, а потом вспыхнул снова, как будто он моргнул.

— А, так вы не отсюда? — в его голосе проскользнуло искреннее удивление, смешанное с сочувствием. — Нет. Домой через разлом вы не попадете. Это я могу утверждать вам точно.

Он сделал паузу, повернувшись обратно к синей трещине, словно проверяя, не расширилась ли она.

— Это пересекающая реальность, — продолжил он, и тон его стал лекторским, но уставшим. — Она нестабильна. Она опасна. Моя работа — решить эту проблему. Закрыть разлом, разделив её на две составляющие. Человеческую магию — отравленную, хаотичную. И природную магию — святую, чистую.

Он вдруг замолчал, и его плечи — или то, что их имитировало — поникли. Звук трущихся камней стал тише.

— Извините, я устал объяснять, — выдохнул он. — Это долгая история, а у меня мало времени.

Мила посмотрела на него другими глазами. Перед ней был не бездушный механизм, а кто-то очень уставший. Кто-то, кто делает одну и ту же работу вечность.

— Ничего, — мягко сказала она. — Я понимаю. Так что, вы будете сейчас решать проблему с разломом?

— Буду.

— Могу я посмотреть?

Робот снова повернулся к ней. На секунду ей показалось, что он улыбнулся бы, если бы у него был рот.

— Можете. Отойдите за меня. За мной безопасно.

Мила послушно встала за спиной гиганта. Его тень накрывала её полностью, создавая островок прохлады на залитой солнцем площади. Она ждала.

Прошла минута. Тишина становилась плотной.

Две. Ветер шевельнул край её свитера.

Три. Робот стоял неподвижно, как скала.

Четыре. Мила начала переминаясь с ноги на ногу.

Пять. Она посмотрела на свои руки, потом на спину существа. Текстура его «кожи» была заораживающей — словно карта пересохших рек.

Семь.

Часов не было, время здесь текло иначе — вязко, как мед, — но внутренний таймер Милы, привыкший к дедлайнам, начал отбивать тревогу.

— Вы говорили, что времени нет, — не выдержала она, выглядывая из-за его широкого плеча. — Почему вы ничего не делаете?

Робот вздрогнул. Его голова дернулась, золотой свет в глазницах вспыхнул ярче, словно система вышла из спящего режима.

— Ах, да, — прошептал он, и в голосе слышалась искренняя растерянность. — Извините. Задумался. Воспоминания они иногда приходят не вовремя.

Он выпрямился, и в этом движении было столько скрытой мощи, что воздух вокруг него задрожал.

Робот поднял руки. Его пальцы — длинные, суставчатые, похожие на ветви старого дуба — раскрылись веером. Он плавно, почти нежно, поднес их к краям синей трещины.

Он не коснулся самого света. Он схватил пространство вокруг разлома.

Мила увидела, как воздух прогнулся под его пальцами, словно натянутая ткань. Робот сжал невидимые края реальности. Его движения были медленными, гипнотическими, лишёнными резкости. Так хирург разводит края раны. Так ювелир разъединяет сцепившиеся звенья тончайшей цепи.

Он начал тянуть.

Разлом зашипел. Звук был похож на треск разрываемого шелка, усиленный в тысячи раз. Синяя материя внутри трещины задрожала, пошла волнами, сопротивляясь.

Робот усилил натяжение. Его корпус напрягся, золотые трещины на теле налились светом, гудение стало низкочастотным, вибрирующим в зубах Милы.

И вдруг единый разлом начал расслаиваться.

Это было похоже на то, как масло отделяется от воды. Из хаотичного, мутного синего месива начали вытягиваться две чистые субстанции.

В правой руке робота, которую он отвел в сторону и вверх, запульсировала грязно-фиолетовая, почти черная нить. Она была липкой, тяжелой, от неё веяло болезнью и распадом. Это была «человеческая» магия — отравленная, искаженная. Робот держал её с видимым отвращением, но твердо. Когда он полностью вытянул эту жилу из разлома, он просто разжал пальцы.

Черная субстанция повисла в воздухе, корчась, как умирающая змея, и начала распадаться. Она растворялась в чистом озоне этого мира, превращаясь в серый дым, который тут же развеивал ветер. Ни следа, ни пятна. Пустота поглотила яд.

В левой же руке осталась вторая часть.

Это была чистая, ослепительная зелень. Цвет молодой листвы, цвет жизни, концентрированная эссенция природы. Она не сопротивлялась. Она текла к нему, ластилась к его пальцам. Это была «святая» магия.

Робот поднес левую руку к своей груди. Зеленая субстанция, похожая на жидкий изумруд, коснулась его каменной кожи.

И впиталась.

Мила ахнула. Она увидела, как зеленый свет побежал по венам-трещинам на его теле, вытесняя золото. Сухая кора его «кожи» на мгновение стала мягкой, живой. Где-то на плече у него распустился крохотный цветок — маленький белый бутон, пробившийся сквозь камень за секунду.

Он вбирал эту силу в себя. Не уничтожал, а сохранял. Словно был живым сосудом, банком данных для самой жизни.

Разлом исчез. На месте синей раны остался только чистый воздух и легкий запах грозы.

Мила стояла, не в силах пошевелиться. Она ничего не понимала в магии, но то, что она сейчас увидела, было совершенным. Это была не битва. Это была реставрация. Это было искусство.

— Восхитительно, — выдохнула она, забыв про страх.

Гигант пошатнулся. Его каменное колено с грохотом ударилось о брусчатку, выбив облако пыли. Золотой свет в глазницах мигнул, как лампочка при скачке напряжения.

Мила, забыв про инстинкт самосохранения, рванула к нему.

— С вами всё в порядке? — она замерла в полушаге, не решаясь коснуться его плеча, на котором только что расцвел и уже увял белый цветок.

Она тараторила, пытаясь заглушить собственный испуг восхищением:

— Я видела, что вы сделали! Это было невероятно. Вы растворили ту жуткую, черную гадость — отравленную человеческую магию, да? И забрали себе чистую, зеленую, природную. Это было как фильтрация. Как очистка воды. Я такого никогда не видела, даже в кино!

Робот медленно повернул голову. Его «лицо» было так близко, что Мила разглядела мельчайшие прожилки в текстуре его маски.

— Вы ошиблись, — голос его был тихим, но в нем звучала сталь учителя, исправляющего глупую ошибку ученика.

— Что? — Мила осеклась.

— Я растворил черную магию, — он указал узловатым пальцем в небо, где растаяла темная дымка. — Это была магия Земли Матери. Первозданная. Я вернул её обратно, в атмосферу, в почву, туда, где ей место. Я вернул ей право обладать самой собой.

Он коснулся своей груди, где под панцирем теперь пульсировал ядовито-зеленый свет.

— А впитал я зеленую. Человеческую. Отравленную.

Мила открыла рот, закрыла, снова открыла. Логика трещала по швам.

— Но но вы так смотрели! — она взмахнула руками, пытаясь изобразить его гримасу (которой не было, но которая чувствовалась). — Я же видела! С таким отвращением, с брезгливостью! Я думала, вам противна черная жижа!

Ллоуншес издал звук, похожий на сухой смешок или скрип двери.

— Вы забываете, что я держал в руках обе субстанции одновременно. Мое лицо, как вы выразились, искривило присутствие яда. Ядовитой была зеленая. Именно от неё меня корбило, даже когда я держал в другой руке святыню. Боль от ожога перекрывает радость от прикосновения к шелку, понимаете?

— Тогда почему?! — Мила почти кричала, чувствуя себя обманутой в лучших чувствах. — Почему святая магия — черная? Черный — это цвет смерти, осквернения, тьмы! А зеленый — это жизнь, трава, листья! Почему всё наоборот?

Ллоуншес начал подниматься. Его суставы щелкали, выпрямляясь, и он снова возвысился над ней, как башня.

— Черный — это цвет всего, — произнес он веско, словно забивал гвозди в крышку гроба её невежества. — Смешайте все краски на вашей палитре, Мила. Красный, синий, желтый, зеленый. Смешайте их в одной точке. Что вы получите?

Мила вспомнила свои уроки живописи. Грязную бурую жижу. Или, если пигменты идеальны черный.

— Черный, — прошептала она.

— Именно. Это цвет полноты. Цвет абсолюта. Это и есть Перво-магия. Единство. Все остальные цвета — это лишь осколки, на которые распалась сила, когда её попытались приручить и разделить. А магия, которую смогли обуздать люди, а потом и другие расы она стала зеленой. Цветом плесени. Цветом кислорода. Цветом радиоактивного распада, если хотите аналогию из вашего мира.

Он отряхнул невидимую пыль с колена.

— Цвет магии вообще не влияет на её свойства. Это лишь длина волны. Почему вы позволяете стереотипам путать вас?

Мила почувствовала себя школьницей, которую отчитал профессор физики. Но вместо обиды пришло еще большее любопытство.

— Девушка, — Ллоуншес посмотрел на неё сверху вниз, и в его голосе прорезалось человеческое раздражение. — Вы очень любопытны. Аж до зуда в моих схемах.

— Извините, — Мила улыбнулась, поправляя сползшие очки. — Меня Мила зовут. Зовите меня Мила.

Робот помолчал секунду, обрабатывая информацию.

— Хорошо. Меня зовите Ллоуншесом Виттербом.

— Кем? — переспросила она, надеясь, что ослышалась. Имя звучало как набор согласных, высыпанных из мешка на бетонный пол.

— Ллоуншесом Виттербом, — повторил он с идеальной, нечеловеческой дикцией.

— Ллоун шесом — Мила попробовала имя на вкус. Оно было тяжелым, каменным. — Виттербом. Я постараюсь запомнить.

— Постарайтесь, — кивнул он. — Это будет полезно, если вы собираетесь выжить здесь дольше часа.

— Мне нужно посидеть, — сказал Виттерб. Его голос скрипнул, как старая петля. Зеленое свечение в его груди пульсировало неровно, словно переваривание «человеческого яда» давалось ему не так легко, как он пытался показать.

Он тяжело опустился на бортик сухого фонтана в центре площади. Чаша была забита песком, из центра торчал обломок какой-то статуи — то ли рыбы, то ли дракона. Ллоуншес положил руки на колени и замер, словно переходя в энергосберегающий режим.

Мила помялась рядом, чувствуя себя лишней на этом сеансе перезагрузки.

— Я пойду к себе, — сообщила она, махнув рукой в сторону дворца.

Ллоуншес открыл один глаз-огонек.

— К вам? — в его тоне прозвучало искреннее недоумение. — Вы же только что сказали, что вы не отсюда. У вас нет «себя» в этом мире.

— А у меня теперь новая комната, — парировала Мила с ноткой гордости домовладельца. — Там мой стол перенесся. Я вернусь туда и буду там жить теперь. Это, по сути, мой новый адрес.

— Вы не выживете здесь, — констатировал он фактом, не требующим доказательств. — Этот город мертв. Здесь нет ресурсов.

— А вы заходите ко мне в гости с едой, — улыбнулась Мила, уже разворачиваясь. — Тогда выживу.

Она пошла прочь, чувствуя спиной его взгляд. Шаги шуршали по песку. Десять метров. Двадцать.

Позади раздался скрежет камня о камень. Тяжелые, ритмичные удары шагов.

Мила остановилась и обернулась. Виттерб шел за ней. Его тень ползла впереди него, длинная и изломанная.

— Зачем вы за мной идете? — спросила она, уперев руки в бока (насколько это было возможно в оверсайз-свитере).

— Я иду вопреки, — буркнул он, не сбавляя темпа. — Моя работа — это сохранение жизни. Вы понимаете, что вы технически включены в списки живых? А значит, вы подпадаете под мою юрисдикцию. Оставить вас одну — значит нарушить протокол.

— Не нужно за мной идти, — отмахнулась Мила, возобновляя путь к лестнице. — Лучше приходите сегодня вечером. И захватите авокадо. Яйца. Колбасы какой-нибудь, только не соевой. Хлеба, лучше цельнозернового. Чая, черный крупнолистовой. И сахара. У меня кончился.

— Девушка, — прогрохотал Ллоуншес у неё за спиной. — Вы невероятно невыносимы. Вы знали?

— Мне часто это говорят новые заказчики, — кивнула она. — Но потом они привыкают.

Они вошли в прохладный сумрак холла. Подъем наверх превратился в странную процессию. Мила карабкалась по занесенным песком ступеням, периодически оступаясь в своих тапочках, а за ней, как молчаливый голем-телохранитель, ступал Ллоуншес. Его шаги не оставляли следов на песке, он словно плыл над поверхностью, несмотря на свою массивность.

Винтовая лестница казалась бесконечной. Мила начала задыхаться уже на третьем пролете, но из упрямства не останавливалась. Виттерб молчал, лишь мерное гудение его ядра отражалось от стен.

Наконец, они вошли в ту самую спальню принцессы.

— Вот, — Мила широким жестом обвела пространство: золотую лепнину, парчовые шторы и свой черный игровой стол посреди этого барокко. — Мои апартаменты.

Она подошла к столу. Экран ноутбука всё еще светился, показывая рабочий стол. Индикатор батареи в углу: 98%.

— Работы хватит на семь часов, — пробормотала она, проводя пальцем по тачпаду. — Это в режиме эконома. В выключенном состоянии он может так пролежать месяц, просто тратя заряд на поддержание BIOS.

Она нажала «Завершение работы». Экран мигнул и погас. Черный монолит заснул.

Мила огляделась. Смартфон Черт. Он остался на кровати в той, настоящей квартире. Она любила залипать в нем перед сном и не брала к столу, чтобы не отвлекаться. Значит, связи нет.

Она начала суетиться. Сгрэбла в охапку бумаги с эскизами, включая тот самый лист с иероглифом. Схватила банку с карандашами, линеры, маркеры. Зажала ноутбук под мышкой, балансируя всей этой канцелярской пирамидой.

Повернулась к роботу, прижимая к груди свое имущество, как самое дорогое сокровище.

— Виттерб, — сказала она командным тоном, глядя в его пустые глазницы. — Веди меня домой. Быстро.

— Домой? — переспросил он. — Я же сказал, через разлом нельзя.

— Ты сказал, что ты знаешь магию, — отрезала Мила. — Ты умеешь разделять материю. Ты древний и умный. Придумай что-нибудь. Я не буду спать на кровати принцессы без своего телефона и зарядки. Веди.

— Мне, к сожалению, некуда тебя вести, — Ллоуншес развел руками, и этот жест, полный безнадежности, выглядел странно для существа из камня и магии. — Но побудь рядом. Я что-нибудь придумаю. У меня много работы, график не ждет, будем думать на ходу.

Он замер, его глазницы вдруг сфокусировались на пластиковом кубе, оставленном на столе.

— Подожди.

Виттерб сделал шаг к столу, склонившись над прозрачной конструкцией с черными и красными линиями. Он рассматривал «псевдо-4D» иероглиф с таким вниманием, словно это была бомба с часовым механизмом.

— Вот как ты сюда попала, — прошептал он, и его голос скрипнул, как песок на зубах.
— Зачем ты нарисовала Обратный Знак Призыва?

Мила, прижимая к себе ноутбук, выглянула из-за его локтя.

— Этот? — она кивнула на куб. — Это иероглиф, который я придумала сама. Для заказчика. Суши-Зеро.

Ллоуншес выпрямился, и в его позе читалось глубокое утомление от абсурдности вселенной.

— Вероятно, ты не знала. Понятно. Гениально в своей глупости. Ты сама себя сюда призвала. Ты начертила формулу, которая работает как вакуумный насос для реальности. Вызвала магию этого мира, затянула её, а потом, когда замкнула контур, пружина распрямилась и вернула магию обратно, зацепив коконом тебя и твоё рабочее место. Ты, по сути, вывернулась наизнанку вместе с пространством.

Мила моргнула. «Вывернулась наизнанку» звучало жутковато, но её мозг зацепился за практическую проблему. Если она застряла тут надолго.

Она поставила свою ношу на край кровати, нырнула под стол.

— Тогда найди мне электричество, — потребовала она, выдергивая блок питания ноутбука из сетевого фильтра. Сам удлинитель вел в никуда — толстый черный кабель заканчивался рваным срезом, из которого торчали медные жилы, словно откушенные гигантскими кусачками при переносе.

— Да, электричество у нас есть, — кивнул Виттерб, наблюдая за её возней. — В некоторых узлах сети оно еще функционирует. Но тебе оно, скорее всего, будет без надобности. Мы редко будем в поселения ходить. Хотя...

Он постучал пальцем по подбородку.

— Смотря кто вызовет. Сейчас все уже переезжают. Оставшиеся все уходят в другой мир.

Мила застыла с мотком проводов в руках.

— Умирают, типа?

— Нет, — Ллоуншес покачал головой. — Ты должна была видеть на площади. Тот маг в красном плаще. Он отправлял последнего жителя Шакки. Шакка — это название этого города. Хотя ему оно больше не понадобится. Город пуст. Тот человек просто купил портал. Билет в один конец. И ушел жить в другой мир. В другую реальность, где трава зеленее, а магия стабильнее.

— Слушай, — Мила выпрямилась, запихивая зарядку в карман необъятной юбки. — У меня так много вопросов. Купил портал? Другой мир? Ты тут местный риелтор или кто?

— Потом вопросы, — отрезал Виттерб. Свечение в его груди снова стало тусклым. — Я устаю много говорить. Мой речевой модуль не рассчитан на лекции. Пойдем за мной.

Он развернулся и пошел к выходу, не дожидаясь ответа.

Мила вздохнула. Выбора не было. Она снова сгребла в охапку всё, что могла унести: бумаги с эскизами (включая тот самый, с Обратным Знаком, — мало ли, вдруг пригодится для обратного билета), банку с карандашами, которая гремела как маракас, ластики, рассыпанные по столу маркеры. Сверху водрузила ноутбук, прижав его подбородком.

Это выглядело нелепо — девушка, нагруженная канцелярией, бредущая за каменным гигантом по пустующему дворцу. Но Мила привыкла носить своё рабочее место с собой. Даже если «собой» теперь находилось в другом измерении.

— Эй, подожди! — крикнула она, ускоряя шаг, чтобы не отстать от его широких шагов. — Не гони так, у меня тапочки скользят!

Глава 4. Первый заказ: Погасить пламя

Они вышли на залитую двойным солнцем площадь, и Мила зажмурилась. Ветер здесь был сильнее, он гнал песчаные вихри по пустой брусчатке, словно призраков прошлых жителей.

Ллоуншес не стал останавливаться. Он просто поднял руку — тот самый жест, каким дирижер требует тишины от оркестра, — и воздух перед ним загустел. Пространство дрогнуло, свернулось, и из золотистой пыли начала собираться форма. Сначала каркас — тонкие, светящиеся линии, затем плотность, материя.

Через секунду перед ними висела в полуметре от земли платформа. Это был диск из темного металла, гладкого, как обсидиан, окруженный кольцом прозрачного, едва мерцающего барьера.

Мила поправила съезжающий ноутбук. Внешне она сохранила лицо — лишь брови чуть приподнялись, да глаза стали круглее за стеклами очков. Но внутри неё маленький ребенок, выросший на сай-фае и фэнтези, восторженно визжал и хлопал в ладоши.

«Да, — подумала она, шагая на платформу вслед за Виттербом. — Наверное, кто-нибудь другой уже бился бы в истерике, звонил в несуществующую полицию или щипал себя до синяков. Но я — не кто-нибудь. Я — это я. Мне не страшно. Мне страшно интересно».

Как только она ступила на диск, прозрачное кольцо по периметру бесшумно поднялось вверх, замыкаясь над головами в идеальный купол. Панорамные окна. Вид на 360 градусов. Никаких швов, никаких стыков.

Платформа мягко качнулась и начала набирать высоту. Город Шакка уходил вниз, превращаясь в макет из белого сахара и золотой фольги.

Мила уселась прямо на пол, разложив вокруг себя свое барахло.

— Слушай, — сказала она, глядя на широкую спину гиганта. — Имя у тебя, конечно, красивое, но замудрённое. Ллоун-шес. Вит-терб. Я пока выговорю, мы уже прилетим. Нужно придумать, как звать тебя так, чтобы я язык не сломала.

Виттерб, стоявший у «штурвала» (которого не было — он просто смотрел вперед), даже не повернулся.

— Называй меня как угодно, — отозвался он равнодушно. — Звуковые колебания не меняют моей сути. Как тебе будет удобнее.

— Ладно, подумаю, — кивнула Мила. Она прижалась носом к прозрачной стене. Земля внизу неслась с головокружительной скоростью. Пустыни сменялись лесами странного синеватого оттенка, руины городов мелькали серыми пятнами. — Так а куда мы летим?

— Заказ, — коротко бросил Виттерб. — Он непосредственно приходит мне в голову. Как сигнал бедствия. Или как уведомление. Я получаю координаты и отправляюсь на место.

— Удобно. Никаких брифов и ТЗ, — хмыкнула она. — Кстати А почему ты говоришь на моем языке? Я только сейчас поняла. Русский. Чистый, без акцента. Ну, почти.

— Он не твой, — Виттерб наконец повернул голову, и в его глазницах мелькнуло что-то похожее на иронию. — Раз он принадлежит нам обоим. Ты же попала в альтернативный мир, Мила, а не в инопланетный. Мы — ветви одного дерева.

Мила нахмурилась, пытаясь переварить информацию.

— Практически все, кого вызывают маги, или кого затягивает сюда магией случайно, находятся в близко-похожих условиях развития, — продолжил он, снова глядя на горизонт. — У всех миров в этом секторе реальности одинаковая предыстория. Один корень. Но потом случается развилка. В вашем мире этой развилкой стали технологии. Вы пошли по пути железа и кремния. Если я правильно понимаю вашу терминологию.

— А у вас? — спросила Мила.

— В нашем мире — овладение магией. Эфир стал вашим электричеством. Заклинания — вашим кодом.

— А язык?

— Языки у нас придумали те же люди, что и у вас, когда-то давно. До Развилки. Структура речи, грамматика, базовые понятия — всё это заложено в геноме культуры.

— Но у вас же нет тех стран, которые в моем мире? России, там, или Америки?

— Возможно, стран и нет. География меняется магическими войнами быстрее, чем политикой, — согласился Виттерб. — Но есть фундаментальное различие. В вашем мире доминирует только одна разумная раса — люди. Вы одиноки. А у нас когда-то здесь жило больше десятка рас. Эльфы, гномы, зверолоуды, конструкторы вроде меня.

Он замолчал, и в тишине капсулы это молчание показалось тяжелым.

— Жило, — повторил он тише. — В прошедшем времени.

— А откуда ты так много знаешь про мой мир? — Мила прищурилась, пытаясь разглядеть выражение его каменного лица. — Ты там был? Или у вас Википедия межмировая?

— Ты читаема, — просто ответил Виттерб. — То, что у вас одна раса, читается в самих твоих вопросах. В их отсутствии, точнее. Ты не спросила про расы сама. Обычно попаданцы интересуются базой, как только осознают, где оказались: «Какие расы у вас живут?», «Есть ли эльфы?», «Какие у вас технологии или магия?».

Он сделал паузу, словно давая ей время осознать собственное поведение.

— Ты же просто взяла свою технику и бумагу молча. Как данность. И спросила только про языки. Я логично сделал выводы, что разумная раса у вас одна, как и полное отсутствие магии в быту. Я же не ошибся?

— Нет, не ошибся, — признала Мила, чувствуя себя немного предсказуемой. — Логика железная. Так куда мы всё-таки?

— В Гогельхольм, — произнес Виттерб, и название прокатилось по капсуле как грохот камнепада. — В опустевший город дварфов. Последний Великий Кузнец, мастер Торинн, купил портал в другой мир. Нужно помочь ему закрыть заведение. Его кузню. Ему больше некого обслуживать и нечего делать, видимо.

Мила кивнула и вернулась к созерцанию пейзажа.

Прошел час. Ландшафт под ними изменился: леса уступили место скалистым грядам, серым и неприступным, как спины спящих драконов. Платформа начала снижаться, направляясь прямо к одной из вершин, увенчанной снеговой шапкой.

Они влетели в гигантский зев пещеры, который оказался не природным провалом, а воротами.

— Ого, — выдохнула Мила.

Гогельхольм открылся перед ними во всем своем мертвом величии.

Это был город, высеченный внутри полой горы. Не просто норы, а многоуровневая архитектура, отрицающая гравитацию. Огромные каменные мосты, широкие, как проспекты, перекинутые через бездну, соединяли жилые террасы. Колонны толщиной с небоскребы подпирали свод пещеры, на котором мерцали мириады кристаллических ламп, имитирующих звездное небо.

Стены домов были украшены геометрической резьбой — строгой, угловатой, вечной. Статуи предков, высеченные прямо в скале, смотрели на пустые улицы пустыми глазами. Огромные шестерни механизмов, когда-то качавших воду или поднимавших руду, застыли, покрытые слоем пыли.

Здесь царил тишина склепа. Ни звука молота, ни звона наковальни, ни гула голосов в тавернах. Только ветер гулял по вентиляционным шахтам, создавая жуткую музыку, похожую на орган.

Но в этой бесконечной серости, среди холодного камня, горела одна искра.

Далеко внизу, на одном из центральных уступов, светился теплый, оранжевый огонек. Он пульсировал, как сердце умирающего великана.

— Кузня, — сказал Виттерб, направляя платформу вниз.

Они скользили мимо пустых глазниц окон, мимо брошенных тележек, мимо погасших плавильных печей. Свет становился ярче. Теперь можно было различить источник — широкие ворота, из которых вырывались клубы дыма и отблески пламени.

Единственное живое место в мертвом городе. Последний форпост мастерства перед лицом небытия. Платформа мягко коснулась каменной плиты перед входом.

Платформа зависла в метре от каменной брусчатки перед кузней. Прозрачный купол, защищавший их от ветра, растворился без звука, словно лопнувший мыльный пузырь. В лицо ударил жар — плотный, сухой воздух, пахнувший раскаленным железом и углем.

На пороге уже стоял хозяин.

Это был дварф. Именно такой, каким его рисовали в лучших артбуках, что стояли у Милы на полке, но с поправкой на суровую реальность. Он был коренастым, широким, как дубовый пень, но при этом в нем чувствовалась гибкая сила пружины. Борода, заплетенная в сложные косы с металлическими кольцами, была цвета ржавчины и доходила ему до пояса. Кожа, задубевшая от жара горна, напоминала старый пергамент. На нем был тяжелый кожаный фартук, прожженный в десятках мест, и огромные, грубые сапоги.

— Виттерб! — его голос рокотал, как камнепад в ущелье. Он широко развел мощные руки, покрытые сажей. — Привет! Спасибо, что так скоро отозвался на зов!

Виттерб шагнул с платформы, и земля чуть дрогнула.

— Приветствую, Торинн, — кивнул гигант.

— Маг уже здесь, — дварф нервно дернул плечом в сторону темного угла кузни. — У него, говорит, оплата почасовая, кровосос. Поэтому думал, когда ты там явишься, чтобы я не разорился окончательно. Как ты сам-то? В норме?

— Функционирую, — сухо ответил Ллоуншес.

— Ладно, к делу, — Торинн вытер руки о фартук. — Мне только Огонь впитать. Новый-то я сам разожгу, там, на новом месте, если найду где. А вот Всеогонь здесь оставлять — такая себе затея. Сгорит всё к чертям, если без присмотра бросить. Спасибо, что пришел еще раз!

Из глубины кузни, из теней, где плясали рыжие отсветы, вышла фигура.

Маг.

Он был высоким, закутанным в мантию цвета индиго, расшитую серебряными рунами, которые Мила не могла прочесть, но от которых у неё заслезились глаза. Лицо скрывал глубокий капюшон, виднелся только острый подбородок и бледные, тонкие губы. Он не смотрел ни на Виттерба, ни на Милу. Они для него были мебелью, фоном.

Маг поднял посох — простой, деревянный, без украшений — и ударил им о землю.

Воздух перед кузней разорвался. Открылся портал — овал, затянутый уже знакомой Миле синевой, но более спокойной, стабильной.

Торинн суетливо поклонился кузне, прошептав что-то на своем гортанном языке, возможно, прощание или молитву. Затем он подошел к массивной деревянной повозке, стоявшей у входа. Она была доверху нагружена инструментами: наковальни, молоты, клещи, мешки с углем. Веса там было, наверное, на тонну.

Но Торинн не стал звать на помощь. Он подошел к оглоблям, взялся за них своими ручищами, крикнул и запряг себя. Он накинул ременную петлю на грудь, уперся ногами в землю и потянул.

Повозка скрипнула и покатилась. Дварф тянул её сам, без коня, без осла, с упрямством локомотива.

— Прощайте, стены! — крикнул он, не оборачиваясь, и шагнул в сияние портала. Повозка гроыхнула следом и исчезла.

Маг молча последовал за ним. Он прошел мимо Милы, даже не повернув головы, словно её не существовало в природе. Шаг. Вспышка синевы. И тишина.

Портал схлопнулся.

Остались только они вдвоем. Мила, прижимающая к груди ноутбук, и Виттерб, стоящий посреди опустевшего города.

Мила посмотрела на робота. Тот стоял неподвижно, глядя на закрытые ворота кузни, из-за которых всё еще несло жаром. Виттерб медленно перевел взгляд на Милу. В его глазницах читалась немая вопроса.

— Прогуляемся сначала? — предложила она, чувствуя, что просто так стоять здесь было бы кощунством. Город был слишком красив в своей смерти.

— Прогуляйся, — отозвался Ллоуншес, и его голос эхом отразился от сводов пещеры. — Я похожу рядом.

Мила шла по широкой каменной мостовой, задрал голову. Высоко над ними, в искусственном небе пещеры, мерцали кристаллы, имитирующие звезды, но теперь они казались холодными и равнодушными. Виттерб шагал рядом, его тяжелая поступь была единственным ритмом в этой симфонии пустоты.

— Здесь была жизнь, — говорил он, указывая длинным пальцем на ряды темных витрин, высеченных прямо в скале. — Не просто существование, а бурлящий поток. Вот здесь, например, была лавка ювелира Гимли. Он делал такие тонкие цепочки, что их можно было спутать с паутиной. А там, на углу, торговали редкими минералами.

Он махнул рукой в сторону широкой террасы с каменными столами, теперь покрытыми слоем серой пыли.

— А это был Квартал Хмеля. Забегаловки, таверны. Корчмари начинали готовить рагу из пещерных грибов и мяса горных козлов еще с рассвета. Запах жареного лука, специй и свежего эля стоял такой, что его можно было почувствовать за три квартала отсюда. Здесь всегда было шумно. Споры, песни, стук кружек.

Мила попыталась представить этот шум, наложить его на гулкую тишину, но воображение пасовало перед реальностью мертвых улиц.

— Всё исчезло, — продолжал Виттерб, и в его голосе не было грусти, только сухая констатация факта. — Последний рыцарь ушел отсюда лет пятьдесят назад. Охотники на драконов покинули Гогельхольм еще раньше. Драконы вымирают сами по себе, их незачем истреблять, а значит, незачем заказывать мечи и копья.

Он остановился у входа в переулок, заваленный обломками старой телеги.

— Кузнецы стали не нужны. Раньше они были элитой, они ковали легенды. А в последние годы они делали оружие только для городской стражи, которая охраняла пустые ворота, да для редких охотников-одиночек. Дело непильное, но бездушное. Торинн был последним. Он держался дольше всех, поддерживал этот остаток мира на своих плечах. Сюда съезжались последние заказчики из еще живущих городов, просто по старой памяти.

Мила зацепилась за фразу, как за крючок.

— А есть живущие города? — спросила она, разворачиваясь к нему. — Реально живые? С людьми, с торговлей?

Виттерб медленно кивнул.

— Есть. Немного, но есть. Анклавы, где магия еще стабильна, или где люди научились жить без неё.

— А мы там будем? — глаза Милы загорелись. — Я хочу посмотреть.

Ллоуншес остановился. Золотой свет в его глазницах потускнел, словно он закатил глаза.

— Мила, я утомлён, — проскрежетал он. — Ты заставляешь меня слишком много говорить. Мой лимит слов на сегодня исчерпан еще три квартала назад.

Он развернулся, не давая ей возразить.

— Мне еще Огонь Великий и Вечный разделять. Пойдем-ка уже к нему. Без хозяина он может потерять контроль и решить, что эта гора ему маловата.

Они развернулись и пошли обратно, к единственному теплему пятну в этом холодном склепе — к кузне Торинна, из ворот которой всё еще вырывались всполохи оранжевого света.

Они вернулись к кузне. Жар здесь был почти невыносимым, воздух дрожал, искажая очертания горна. Внутри огромной печи, похожей на пасть демона, бушевал Всеогонь. Это было не обычное пламя. Оно не трещало, не выбрасывало искр. Оно гудело ровным, низким звуком, и цвет его был густым, насыщенным, как расплавленное золото, смешанное с кровью.

Виттерб шагнул внутрь. Его каменная кожа потемнела от жара, но он не замедлился.

Он поднял руки.

— Иди ко мне, — прошептал он, и это был не приказ, а приглашение.

Пламя отозвалось. Оно выплеснулось из горна единым потоком, как жидкость, проигнорировав законы физики. Огненная река потекла к рукам гиганта, закручиваясь в спираль вокруг его тела. Виттерб стоял в центре этого инферно, нетронутый, спокойный.

Он начал разделять.

Его пальцы, черные на фоне сияния, погрузились в самую суть пламени. Он рвал структуру огня.

Из золотисто-красного потока начали вытягиваться две нити.

Одна — черная, как сама бездна, матовая, поглощающая свет. Это была первозданная стихия, дикая ярость огня, которую дварфы когда-то взяли взаймы у недр горы. Виттерб собрал её в плотный ком в правой руке и с силой сжал кулак. Черный шар вспыхнул и рассыпался в пепел, который тут же растворился в воздухе, возвращаясь в камень, в стены пещеры, туда, где спала древняя сила.

Вторая нить была ярко-оранжевой, ядовитой, неестественной. Это была магия ремесла, воля кузнецов, вложенная в огонь за столетия. «Человеческая» (или в данном случае дварфийская) составляющая. Она сопротивлялась, шипела, пыталась ужалить его пальцы.

Виттерб перехватил её левой рукой и, не давая вырваться, впечатал в свою грудь.

Вспышка озарила кузню. Оранжевый свет прошил его тело насквозь, вырываясь из каждой трещины в его броне.

И тут его ноги подкосились.

Виттерб не осел грациозно, как в прошлый раз. Он рухнул.

Грохот падения сотряс пол кузни. Каменное тело ударилось о плиты с тяжелым, глухим звуком, от которого у Милы заложило уши. Он растянулся на полу, раскинув руки, его глазницы погасли.

— Вит! — закричала Мила, бросая свои вещи. Ноутбук с грохотом упал на пол, карандаши раскатились веером.

Она подбежала к нему, упала на колени рядом с его огромной головой. От него шел жар, как от остывающей печи.

— Вит! Ви-и-ит, очнись!! Ты слышишь меня?!

Она коснулась его «лица». Камень был горячим, но не обжигающим.

Глазницы мигнули. Сначала тускло, потом ярче. Золотой свет вернулся, но дрожал, как пламя свечи на ветру.

— Да — прохрипел он, и звук был похож на скрежет жерновов. — Д-да я тут тут тут.

Его голос заедало, словно поврежденный аудиофайл.

— Тяжело это, — выдохнул он, и из его рта (которого не было) вырвалось облачко пара. — Магия людей, дварфов, да кого угодно она такая чужеродная. Такая не настоящая. Искусственная. Это всегда тяжело. И больно.

Мила замерла, её рука всё еще лежала на его щеке-маске.

— Ты боль чувствуешь? — тихо спросила она, глядя в его дрожащие огни-глаза. — Подожди, я думала, ты просто грустный робот. Мне нужно было сначала спросить, кто ты такой вообще.

Она осторожно приподняла его голову и положила к себе на колени, не обращая внимания на то, что тяжелый камень давил ей на ноги и пачкал юбку сажей.

— Приходи в себя, — шепнула она, глядя его по шершавому «лбу». — Потом поговорим. Лежи.

Виттерб не сопротивлялся. Он лежал, глядя в потолок пещеры, где гасли фальшивые звезды, и его корпус медленно остывал, переваривая чужую магию.

— Где ты живешь? — голос Милы дрожал от напряжения. Она всё еще гладила его по горячей каменной голове, пачкая пальцы сажей. — Ты вообще спишь? Тебе отдохнуть надо. Боже, я так переживаю, извини. Я не знала, что это так физически.

Виттерб попытался приподняться, но его корпус лишь слабо дернулся.

— Вызывай свой круг, — скомандовала она, видя его беспомощность. — Полетели к тебе. Я уложу. Не спорь.

Ллоуншес слабо шевельнул рукой. Жест вышел смазанным, небрежным, но магия подчинилась. Воздух перед входом в кузню снова сгустился, и черный диск платформы, висевший снаружи, бесшумно вплыл внутрь, зависнув в сантиметре от пола.

Мила, кряхтя и упираясь ногами в пол, потащила его. Виттерб весил как хороший мотоцикл, но, к счастью, магия платформы, кажется, немного компенсировала гравитацию вокруг него. Она затащила его массивное тело на диск, устроив голову поудобнее.

— Куда? — спросила она.

Виттерб, не открывая глаз, сделал вялый взмах рукой в сторону выхода из пещеры. Платформа послушно качнулась и набрала скорость.

— Мы летим домой, — прошелестел его голос, едва слышный за шумом ветра. — Туда, где я сплю. И да я сплю.

Золотые огни в его глазницах окончательно погасли. Он отключился.

Мила осталась одна в стеклянном куполе, несущемся сквозь ночь.

Она осторожно опустила его голову на пол платформы, подложив под неё край своего свитера, и встала у панорамного окна.

Пейзаж внизу был завораживающе печален. Они вылетели из чрева горы и теперь неслись над миром, залитым лунным светом. Внизу проплывали города. Высокие шпили эльфийских цитаделей, увитые серебряными лозами, теперь чернели пустыми силуэтами. Огромные акведуки, по которым когда-то текла вода, стояли сухими скелетами. Руины амфитеатров, площади, храмы — всё это было мертвым. Ни одного огонька. Ни одной живой души. Только ветер и луна владели этим миром.

Платформа летела долго. Пейзаж сменился: горы уступили место равнине, покрытой высокой травой, которая волновалась под ветром, как серое море.

И посреди этой пустоты стоял он.

Одинокий замок.

Это не было похоже на тот дворец в Шакке. Это было что-то более древнее, монументальное. Черный камень, башни, пронзающие небо, мощные стены, увитые плющом, листья которого светились в темноте слабым фиолетовым светом. Замок стоял на скалистом утесе, гордо и неприступно.

— Нифига себе дом — прошептала Мила, прижавшись лбом к стеклу. — Домище же. У него своя прислуга есть? Дом-то большой, кто его обслуживает?

Платформа начала снижаться, описывая плавную дугу, и мягко приземлилась во внутреннем дворе, вымощенном плитами, сквозь которые пробивался мох.

Купол растворился. Ночная прохлада ударила в лицо.

Мила вздохнула, посмотрела на бессознательного гиганта и, засучив рукава, принялась за работу.

Тащить его второй раз было тяжелее — адреналин схлынул, осталась только усталость. Она волокла его по земле, потом по ступеням, молясь, чтобы не надорвать спину. Двери замка распахнулись сами, пропуская их в огромный холл, тонущий в тенях.

— Так, всё, приехали, — выдохнула она, дотащив его до ближайшего дивана.

Это был скорее банкетка для великанов, оббитая бархатом, который от времени стал похож на шкуру старого зверя. Мила с трудом закинула ноги Виттерба на сиденье, оставив его лежать в неудобной позе, но лучше так, чем на полу.

— Не время разбираться, где его спальня, — пробормотала она, вытирая пот со лба.

Сил не было. Ноутбук, бумаги и ручки так и остались валяться кучей у входа. Мила на ватных ногах дошла до соседнего дивана, поменьше, рухнула на него, даже не снимая обуви, и мгновенно провалилась в сон, под звук ветра, гуляющего в дымоходах огромного, пустого дома.